

**АЛЕКСАНДР
ТАМОНИКОВ**

**УЛИЦА
ЦВЕТА КРОВИ**

МОСКВА

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
Т17

Тамоников, Александр Александрович.

Т17 Улица цвета крови / Александр Тамоников. —
Москва : Эксмо, 2026. — 320 с.

ISBN 978-5-04-235454-0

1944 год. Во Львове вместе с фашистами хозяйничают поляки из Армии Крайовы. Польское правительство в изгнании направляет коменданту львовского округа письмо, в котором сообщает о готовящейся военной операции «Буря», призванной не допустить советского влияния на той части Польши, которая отошла СССР. Советское командование поручает капитану Глебу Шубину во главе группы разведчиков пробраться в оккупированный Львов и любой ценой добыть это письмо. Шубину не впервой отправляться на опасные задания. Но как проникнуть в кишаший врагами город и не попасться в лапы гестапо? Фронтовой опыт подсказывает капитану очень необычную уловку...

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-04-235454-0

© Тамоников А.А., 2025
© Оформление. ООО «Издательство
«Эксмо», 2026

ГЛАВА ПЕРВАЯ

— Шубина к командующему! — в блиндажную землянку разведчиков заглянул лейтенант Лелюшин и тут же скрылся.

Глеб, который только что проснулся после более чем суточного сна, соскочил с лежака и, взглянув из землянки, окликнул бойца, которого увидел неподалеку:

— Егор!

Боец, уже пожилой мужчина, с лицом смуглым и заросшим жесткой щетиной, оглянулся и, всплеснув руками, широко и радушно улыбнулся.

— Ну вот, наконец товарищ капитан проснулся. А мы уж думали с ребятами, что вы еще одни сутки проспите. Оно, конечно, понятное дело, — тараторил он радостно, подходя ближе к Глебу, — после того как неделю толком не поспишь, то...

— Хватит тебе, Малкин, причитать, — не удержался от улыбки и Шубин. — Лучше посмо-

три, вода в рукомойнике есть? Если нет, то, будь добр, принеси. Мне бы умыться. Лелюшин к Соколовскому вызывает.

Шубин вышел из землянки и прищурился на яркий солнечный свет. Где-то далеко гремело, но над леском, в котором стояла конно-механизированная группа полковника Соколовского, не было видно ни тучки, ни облачка.

— Выспался?

К Шубину быстрым шагом подошел старший лейтенант Александр Котин, с которым Глеб уже успел подружиться за эти полторы недели, которые он пребывал в конно-механизированной группе гвардии полковника Соколовского. Вернее, не столько пребывал в этой части, сколько отсутствовал.

Так уж получилось, что по чистой случайности Шубин, который ехал в расположение своего нового места службы, стал свидетелем воздушного боя между тремя немецкими самолетами и одним нашим «Пе-2». Наш самолет, возвращавшийся после проведения воздушной разведки, был сбит, и Глеб наблюдал, как спасся один из членов летного экипажа, спрыгнув на парашюте.

Казалось бы, не такая уж и большая случайность — наблюдать во время войны воздушный бой. Такие бои Глебу за три года пришлось наблюдать не один раз. И не один раз ему прихо-

дилось видеть, как сбивали наши самолеты и как выпрыгивали из горящих машин летчики на парашютах. И все эти многие разы Шубин был лишь сторонним наблюдателем разыгравшейся в небе трагедии. Но не в этот раз.

У летчика были важные для советского командования сведения о расположении укрепрайона противника, и Шубину поручили найти спасшегося пилота. Тот неудачно приземлился на территории врага, и было непонятно, жив он или нет. Необходимо было его разыскать и доставить и его самого, и документы, которые будут при нем, в штаб полка. А заодно и установить связь с одним из партизанских отрядов, который находился, по данным разведки, как раз в квадрате приземления летчика.

Едва Глеб успел выполнить это задание, как ему сразу же пришлось отправляться на выполнение следующего задания. На этот раз ему и его группе совместно с партизанами необходимо было за четыре дня провести сразу три операции: сначала взорвать железнодорожный мост неподалеку от города Броды, установить точное расположение частей националистической дивизии СС «Галичина» и захватить в плен важного «языка» — штабного генерала Фрица Золенберга.

И снова Шубин отправился в тыл к врагу, и снова ему не пришлось спать несколько дней,

потому как именно от него как от командира зависело, выполнит ли его группа боевую задачу. И это была не какая-то рядовая задача, а, можно сказать, задача повышенной ответственности. Именно от него, Шубина, и от таких, как он, разведчиков во многом зависело удачное наступление наших войск на Львовско-Сандомирском направлении.

Вот так и получилось, что, вернувшись, Глеб проспал целые сутки. А когда проснулся...

— Глеб! Наступление началось! — сообщил ему Котин.

— Когда?

— Сегодня ночью.

Они торопливо поздоровались за руку, и Глеб направился к висевшему на одном из деревьев ручкомойнику, но вдруг остановился. До него наконец дошло, что гром, который он услышал, когда вышел из землянки, ни на миг не прекращался и все грохотал и грохотал где-то в отдалении. Глеб мотнул головой и усмехнулся. Сон совершенно выбил из головы мысли о том, что вот-вот должно начаться наступление. За несколько дней он уже в какой-то мере привык к тому, что их артиллерия или молчит, или только огрызается, бухая отдельными выстрелами в сторону противника. А вот теперь, когда она ведет непрерывный и ровный обстрел, ему отчего-то показалось, что это гремит далекий грозовой раскат.

— Не знаешь, зачем меня вызывают? — умываясь, спросил Глеб у стоявшего возле него Котина.

Тот какое-то время молчал, но потом все-таки ответил, хотя и нехотя.

— Знаю. Потому и пришел к тебе.

— Новое задание? Вдвоем пойдем? — отфыркиваясь от потока воды, которую лил на него Егор Малкин из ковша, нетерпеливо спросил Глеб.

— Переводят тебя от нас, — хмуро сказал Котин.

Шубин выпрямился и вопросительно посмотрел на боевого товарища.

— Что значит переводят? Я ведь только что, можно сказать, к вам прибыл.

Котин пожал плечами.

— За тобой прислали из 56-й танковой бригады. Привезли соответствующий приказ командующего 3-й гвардейской армией Рыбалко. На Львовское направление тебя забирают.

— Вот ведь дьявол! — чертыхнулся Шубин и стал вытираться поданным ему Малкиным полотенцем. — Мне, конечно, все равно, на каком направлении Родине служить, но что-то уж часто меня перекидывают с одного места на другое.

Глеб покачал головой, с некоторой досадой думая о том, что опять ему придется покидать тех, кто стал ему за эти несколько дней близок и дорог. На войне не только каждый день ценен, но

и каждый час, ведь никто на войне не знает наверняка, сколько ему отмерено часов, минут или даже секунд в жизни.

Пока Шубин умывался и приводил себя в порядок, перед тем как явиться пред ясные очи гвардии полковника Соколовского, вокруг него и Котина собрались разведчики. Слух о том, что капитана Шубина собираются забирать от них, быстро разлетелся по отряду. Проводить его пришли не только те, кто успел познакомиться с Глебом и даже побыть под его командованием на время выполнения задания, но и те, кто его совсем не знал. Пришли не из любопытства, а из солдатской братской солидарности. Почему бы не проводить хорошего человека. Кто знает, получится ли им всем еще раз увидеться на этом свете или суждено встретиться уже на том. Да и есть ли он еще, тот самый другой свет, кто знает?

Шубин, хотя и приходилось ему часто за эти годы менять части и командиров, прощаться с боевыми товарищами, с которыми его сводили фронтовые дороги, не любил, да и не умел. Да, в общем-то, и не хотел. Не видел он смысла в таких прощаниях. Такие минуты для него всегда были тягостными и неловкими. Он искренне не понимал, для чего вообще нужно прощаться. Это было так, словно его хоронили заживо. Или он сам хоронил всех, с кем прощался. Одно дело,

когда убьют или ранят твоего боевого товарища: тогда все понятно — знаешь, что тот либо не станет с тобой больше плечом к плечу в атаке, либо вернется в строй. А даже если не вернется и его спишут после ранения в тыл, то все одно знаешь, что он будет жить и думать о тех, кто остался в строю. А когда уходишь в другую часть, то какой смысл в таком прощании? Сегодня ты жив, а завтра? И кто из тех, что сейчас стоят возле Шубина, останется жив до конца войны? Может ведь так случиться, что Глеб об этом так никогда и не узнает. Да и доживет ли он сам до победного конца?

Вопросы, вопросы, вопросы... Одни только вопросы без ответов. Война — вот единственный ответ на все заданные и незаданные вопросы.

В штабной землянке кроме самого гвардии полковника Соколовского и его адъютанта всегда толкалось много народу. Толкались и по надобности, и без нее. Радистки и заместители не в счет, им положено было находиться близ командира. А остальные, можно сказать, были мимо проходящие или приходящие по мере необходимости.

На этот раз не только комната связи, но и сама небольшая комната-кабинет командующего конно-механизированной группой была забита народом так, что невозможно было повернуться. Из тех, кого знал Шубин, в комнатке были радист Микола Яценюк, капитан Тарасов — со-

трудник Смерша при штабе группы — и особист Рыжов. Были еще два незнакомых Шубину военных. Один — невысокий, молодой и щуплый, судя по форме и шлему на голове, танкист, стоял он к Глебу спиной. Напротив Соколовского стоял среднего роста коренастый офицер. Его звание Глеб сразу не рассмотрел (в комнате царил полумрак), но, судя по неиспачканной форме, кто-то повыше капитана. На войне оно как? Чем аккуратнее на тебе одежда, тем ты выше по званию и значимее по должности. Почему так — объяснить, думается, надобности нет.

— А, Шубин! Входи, входи, — обрадовался ему Соколовский и махнул рукой. — Давай пробирайся ко мне поближе, буду тебя с твоим новым начальством знакомить.

При этих словах офицер повернулся к Шубину, и Глеб увидел, что тот был довольно симпатичным, тридцати пяти или тридцати семи лет мужчиной с волевым подбородком и серьезным, даже несколько суровым взглядом не то серых, не то светло-карих глаз. В сумраке Шубин так и не разобрал, какого они были цвета. Да и какая разница — голубоглазым он был или, скажем, сероглазым? Просто у Шубина была укоренившаяся привычка — составлять предельно точный фото-портрет всех, с кем сводили его фронтовые дороги. Своих ли, чужих — без разницы.

— Полковник Слюсаренко, — представил незнакомого командира Соколовский. — Командир 56-й танковой бригады и твой новый командир, — добавил он.

Представленный Шубину полковник с некоторым интересом посмотрел прямо в глаза Шубину и протянул руку.

— Капитан Шубин, — представился Глеб, пожимая крепкую, широкую и чуть потную ладонь полковника.

— Несмотря на начало наступления, решил приехать за вами, капитан, лично, — сказал Слюсаренко. — Много слышал о вас, и не только от Петра Вениаминовича. Рад, что вы будете служить именно у меня. Вы когда-нибудь ездили в танке?

— Нет, не приходилось, — чуть смутился Шубин от пристального взгляда нового командира. — Разве что пару раз прокатился, сидя сверху на башне.

— Ничего, у нас и внутри машины побываете. И не раз, — добавил Слюсаренко, добродушно усмехнувшись. — Ну что, Петр Вениаминович, — он снова повернулся к Соколовскому и протянул тому руку, — мы поехали. Приказы командования я вам передал... Капитан, вы готовы? — обратил он взор снова на Шубина.

— Так точно, готов, — ответил Глеб.

— Пять минут на прощание. Мы ждем вас в машине... Пойдем, Шура, — обратился он к танкисту, что стоял чуть позади Шубина, и шагнул вперед.

Шагнул уверенно, словно это не человек был, а танк. И все расступились перед ним. Глеб невольно повернул голову и мельком увидел круглое веснушчато-курносое лицо сопровождающего полковника молодого танкиста.

— Ты мне, Захар Карпович, его береги! — громко сказал вслед Слюсаренко Соколовский. — Кровь из носу, но чтобы этот капитан до нашей победы дожил!

— Это уж как Бог на душу положит, — остановившись и оглянувшись, рассмеялся Слюсаренко. — Все под ним ходим, Петро.

И он снова пошел дальше, теперь уже не оставиваясь и не оглядываясь.

— Мало ли под кем мы ходим или ходили, — проворчал Соколовский. — Под царем вот тоже ходили, а ничего, выжили... Ну, Шубин, — положил он свои большие руки на плечи Глебу, — жалко мне тебя отдавать танкистам. Но ничего не поделаешь — приказ. Значит, у командования на тебя другие планы.

Он долго смотрел на Шубина и молчал, и Глеб вдруг почувствовал неловкость перед этим молчаливым взглядом. Он знал, что нужно что-то сказать на прощание. Что-то хорошее, теплое и ду-

шевное и, может быть, значащее. Но он не знал, что сказать и как это сказать. Иногда чувства просто невозможно передать словами. Поэтому он просто протянул руку. Соколовский быстро и крепко пожал ее.

— Ладно, иди уже, — махнул он рукой в сторону выхода. — Вот, Микола тебя проводит.

Он отвернулся и сделал шаг в сторону сидевшего за столом особиста Рыжова.

Глеб тоже не стал медлить, а, развернувшись, направился к выходу. В дверях его уже ждал Микола Яценюк.

— Вот, — протянул он Шубину какой-то сверток и, когда Глеб, хотя и немного удивленный, взял его, сказал: — Це сало и окраец домашнього хліба. Більше нічого вам дати, товарищу капітан.

— Спасибо, Микола, — Глеб в порыве благодарности к этому удивительному украинцу обнял его.

Микола отвернулся, но Шубин успел заметить, как в уголке его глаза затрепетала прозрачная влага.

— Нічого, все буде хорошо, — наполовину по-русски, наполовину по-українски відповів на його об'явлення Микола. — Ми з вами, товарищу капітан, ще побачимося. Не на цьому, так на том світі. Айдати, я вас до машини хочу проводити.

Они вышли из штабной землянки и молча направились к машине, в которой приехал полковник Слюсаренко. С кем и было жалко сейчас расставаться Шубину, так это с Миколой Яценюком, которого он знал чуть ли не с самого начала войны. Но фронтовые дороги непредсказуемы. Они сначала развели их в разные стороны в сорок втором году, когда Шубин и Микола выходили из окружения, а затем, в самом начале июля сорок четвертого, в момент, когда немцы вынуждены были отступить, снова свели их. Именно с Миколой Шубину пришлось пробираться к партизанскому отряду Васильчука на своем первом задании. Тогда Соколовский отправил своего лучшего радиста в тыл врага вместе с Глебом, чтобы тот наладил связь партизан с наступающими советскими частями. С Миколой же Шубин возвращался и обратно после второго задания. Вместо Яценюка в отряд Васильчука был направлен постоянный радист, а Миколу вернули в расположение штаба конно-механизированной группы.

Шубину очень хотелось сейчас сказать Миколе что-то хорошее, доброе, замечательное, чтобы он запомнил его слова на всю жизнь. Вот только как долго она будет длиться, эта их жизнь — ни он, ни Микола не могли знать наверняка. На войне нет времени. На ней есть только сейчас, только миг. А все остальное — «до» и «после» — будет, только

когда придет мир, когда закончится война. И потому смысла в каких-то красивых, пусть даже правильных словах сейчас не было.

Поэтому они все так же молча дошли до машины, молча пожали друг другу руки, молча и многозначительно посмотрели друг другу в глаза и... Шубин сел на заднее сиденье автомобиля и уехал. Он не стал оборачиваться. Потому как не хотел видеть, как Микола стоит на дороге и смотрит вслед удаляющейся машине.

«Ну вот, — подумалось Глебу, — закрыта еще одна глава не написанной мной книги. Может быть, я когда-нибудь и напишу ее. А может, и нет. Хотя почему же она не написана, эта глава? Она написана, только не на бумаге, а где-то там, внутри меня. В глубине чего-то, что многие называют душой».

— О чем задумался, капитан? — повернулся к нему полковник. — Жаль небось расставаться с боевыми товарищами? Можешь не отвечать. По себе знаю, что жаль. Я вот в армии с тридцать второго года и много где и побывал, и повоевать успел. Многих товарищей потерял. А в этих местах уже в третий раз приходится воевать. Так-то.

Шубин промолчал, не стал расспрашивать Слюсаренко, когда он успел побывать в этих местах три раза, — он и так знал и о походе РККА на Западную Украину в тридцать девятом году, и о Львовско-Черновицкой стратегической обо-

ронительной операции в самом начале сорок первого года.

Долго ехали молча. От нечего делать Шубин наблюдал за тем, как мимо них по дороге движутся бесконечной чередой войска, проезжает техника, грохочут танки и тяжелые артиллерийские орудия. Несколько раз на глаза попадались машины реактивной артиллерии с красивым именем «Катюша». Хотя на самом деле ничего романтического в таких установках не было, и название в народе было дано, скорее всего, по модификации «КАТ» — используемых артиллерийскими установками термитных снарядов.

Тут (уже в глубоком тылу) были уже почти не слышны раскаты грома, производимые наступающими частями Красной армии. Но Глеб, все-таки прислушавшись, различал глухое «бам» и «бух» где-то уже за горизонтом, за пределами видения. Взрывы были слышны, а видеть их было нельзя. Далеко от этих мест шло сражение.

Ехали долго, и по мере приближения к фронту все явственней слышались раскаты канонады. В какой-то момент машина вдруг задержалась, мотор захрюкал, зачихал, и из-под капота повалил сначала сизый, а потом и темно-серый дымок.

— Все, приехали, товарищ полковник, — заявил молодой танкист, который сидел за рулем, и автомобиль остановился. — Вовремя, елки-мо-

талки, — бросил он, выпрыгивая из машины и открывая капот.

— Да уж, правильно говоришь — не вовремя мы встали. Ехать-то осталось еще часа полтора-два. Наша бригада, пока мы с тобой катались, уже вперед километров на пять ушла, если не дальше. Погоди, Шура, дай я посмотрю, — полковник тоже вышел из машины и, сняв китель, остался в светлой нижней рубаше.

Закатывая рукава, он подошел к пареньку, который уже открыл капот, и, отмахиваясь от валившего из-под него густого дыма, закашлялся.

— Воды бы надо. Видать, вся выпарилась, и радиатор перегрелся, — заявил танкист звонким молодым голоском, оглядываясь по сторонам. — Угораздило же нас посреди степи встать, — с досадой проговорил он. — Где здесь найдешь воду?

Шубин тоже огляделся и, увидев вдалеке речушку, сказал, указывая на нее:

— Давайте мне ведро, я сбегаю за водой.

— Где бы его еще взять, то ведро? — нахмурил брови танкист. — Товарищ полковник, сказали бы вы уж своему Тарасенко, чтобы за машиной следил получше. Недокомплект получается без ведра-то.

— Вот возьму и назначу тебя своим постоянным личным шофером, Шура, чтобы не ворчала, — с усмешкой ответил полковник.

«Ворчала?» Он действительно так сказал или Шубину послышалось? Глеб быстрым и пытливым взглядом окинул мальчишескую фигурку молодого танкиста и решил, что все-таки послышалось. Он отошел от машины, сошел с дороги на обочину и, заложив руки за спину, стал бродить неподалеку, выискивая что-нибудь, чем можно было заменить ведро. И нашел.

Это была старая проржавевшая немецкая каска, валявшаяся в воронке от снаряда.

— Каска подойдет? — спросил Шубин, поднимая над головой свой трофей.

— Не дырявая? — с подозрением поинтересовался танкист.

— Вроде целая, — Шубин повертел в руках каску, осматривая ее со всех сторон. — Ржавая только.

— Тогда подойдет, — кивнул танкист. — Только вот много в нее воды не нальешь. Надо еще что-то.

— У меня еще котелок есть, — предложил Глеб.

— Давайте ваш котелок, — кивнул полковник, на секунду поднимая голову от мотора, в котором он что-то высматривал. — Сходите за водой, Шура. Вдвоем сподручней.

Шубин отвязал свой котелок от лямки вещмешка, к которому тот был привязан, и они с танкистом отправились к речушке. Пока шли,

Глеб исподтишка рассматривал своего спутника. Вроде бы паренек как паренек — круглое лицо с конопатками и редкими оспинками. Лицо белое, не загорелое вовсе, что было удивительно при такой-то летней жаркой погоде. Маленький, чуть вздернутый кверху носик, редкие рыжие реснички на чуть покрасневших веках, такие же рыжие тонкие бровки и рыжий чубчик, который выбивался из-под шлема. Роста танкист был совсем даже невысокого — Шубину по плечо. Щуплый, с тонкими запястьями и худенькой шеей, он чем-то напоминал Шубину цыпленка. На вид ему было лет семнадцать, не больше.

— Не жарко в таком шлеме все время ходить? — спросил Глеб, прерывая молчание.

— Нормально, привыкла уже, — ответил танкист.

— Так ты все-таки девушка? — улыбнулся Глеб. — А я было подумал, что ослышался.

— Девушка. Ну и что с того? — с вызовом посмотрела на него снизу вверх зелеными кошачьими глазами Шура, и щеки ее вдруг вспыхнули румянцем.

— Нет, ничего, — смутился от ее настойчиво-открытого взгляда Шубин. — Я же говорю, что сначала принял тебя за парня. За подростка, — уточнил он, еще больше смущаясь. — Думал, что ты что-то вроде сына полка, что ли.

— Тоже выдумали! — прыснула Шура, но тут же снова стала серьезной и даже сердитой. Ее рыжие бровки сомкнулись в одну линию, а глаза метнули в Глеба молнии. — Можно подумать, что вы женщин на войне не встречали.

— Встречал, — улыбнулся Глеб. — Много встречал и разных. Вот только с девушками-танкистками судьба еще не сталкивала. Ты первая. Потому и удивился.

Его откровенность несколько смягчила Шуру, и она посмотрела на него уже не так сурово.

— Я и сама не ожидала, что когда-нибудь буду в танке воевать, — призналась она. — Но так получилось, что...

Она внезапно замолчала и снова нахмурилась, словно бы осознав, что слишком уж разоткровенничалась перед этим незнакомым ей капитаном.

— Я тоже в свое время не думал, что буду разведчиком, — заметил Глеб.

Дальше они шли молча, и только у самой речушки Шура, сняв шлем, сказала:

— Жарко.

Пока Шубин набирал воду в котелок и в каску, девушка умылась. Искоса наблюдая за ней, Глеб невольно залюбовался ее молодым, хотя и не очень красивым личиком. Да, Шура не была красавицей. Под шлемом оказались спрятаны две не-